

Б. П. Балаян

Из дипломатической истории присоединения Восточной Армении к России

Восточная Армения была присоединена к России в результате второй русско-иранской войны 1826—1828 гг. Начиная эту войну правившая в Иране каджарская клика рассчитывала на активную финансовую, военную и дипломатическую поддержку Англии. Последняя, в свою очередь, подчинив по кабальному договору 1814 г. своему контролю политическую независимость и международные связи Ирана, была заинтересована в развязывании русско-иранской войны, надеясь обеспечить этим свое преобладание на Востоке и парализовать военно-политическую активность царской России на Балканах, в Передней и Средней Азии¹.

На основе анализа архивных материалов и иранских источников в статье раскрывается сговор иранских реваншистов с их британскими покровителями в вопросе согласования дипломатической деятельности в период русского наступления; анализируются переговоры между русским послом в Лондоне Х. А. Ливеном и Д. Каннингом, разоблачающие экспансионистскую политику Англии, препятствовавшую присоединению Восточной Армении к России, а также выясняется связь лондонских переговоров с деятельностью иранских дипломатических миссий Давид-хана и Мирза-Мохаммед-мирзы.

* * *

После блестящей победы, одержанной войсками генерала Мадатова под Шамхором, правительство шаха спешно отправило в Петербург, по далекому и сложному маршруту через Константинополь и Варшаву, опытного дипломата Давид-хана².

¹ Основными работами советских историков по отдельным вопросам дипломатической истории второй русско-иранской войны являются: А. В. Фадеев. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958; З. Т. Григорян. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959; М. А. Игамбердыев. Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961; С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, М., 1960; В. Т. Пашуто. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки», АН СССР, т. 24, М., 1947; В. А. Парсамян. Грибоедов и армяно-русские отношения, Ереван, 1947. (на арм. яз.); Т. Х. Акопян. История Еревана (1801—1879), Ереван, 1959. (на арм. яз.); М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, т. 1, Ереван, 1956 и др.

² Речь, по-видимому, идет о Давиде Цатуровиче Мелик-Шахназаряне, который в начале XIX в. был французским агентом в Багдаде, в 1803, 1814 и 1815 гг. посетил Иран в качестве французского эмиссара, а в 1816 г. прибыл в Париж уже в качестве иранского посла. Об этом см. А. Р. Иоанниисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958 г., стр. 441—446.

Профессор Тегеранского университета доктор Али Акбер Бина в «Политической и дипломатической истории Ирана», касаясь избранного иранским послом маршрута, отмечает, что шах не захотел отправить Давид-хана по кратчайшему пути только потому, что русский главнокомандующий ген. Ермолов задерживал в Тифлисе иранских послов и не допускал их в Петербург¹. Между тем переход через линию фронта не представлялся безопасным делом. Кроме того, по совету английского посла в Иране Макдональда, Давид-хан должен был выполнить обширную политическую программу в султанской Турции и Восточной Европе. Приехав в Константинополь, иранский посол пытался узнать о русско-турецких переговорах в Аккермане и добивался встречи с султаном Махмудом II, чтобы выяснить его отношение к Николаю и напомнить о его обещаниях начать против России войну. Неожиданно для Давид-хана переговоры с турками привели к противоположным результатам. Узнав о переходе Кавказского корпуса в наступление и падении Ганджи, Порта без промедления подписала Аккерманскую конвенцию, нисколько не считаясь с пребыванием в Турции иранского посла.

Через 10 дней Давид-хан отправил Меттерниху письмо, в котором описал положение на фронте и просил содействия австрийских послов в Константинополе и Петербурге для организации его поездки в Россию². Одновременно он предпринял несколько безуспешных попыток получить разрешение на поездку в Россию у находившихся в Турции представителей царя и с аналогичной просьбой отправил письмо царскому министру иностранных дел графу Нессельроде. Не дождавшись ответа, Давид-хан в начале октября отправился в Польшу, чтобы вручить послание Аббас-мирзы брату Николая I царскому наместнику в Варшаве князю Константину³.

В то время когда Давид-хан считал, что находится близко от цели, Нессельроде через генерал-губернатора Одессы гр. Палена ответил ему, что другой представитель Ирана Мирза-Мохаммед-Али уже выехал на границу. Новый иранский посол вез с собой письма для Ермолова и Нессельроде и 250 военнопленных для передачи их русским пограничным начальникам⁴.

В Тавризе Мирза-Мохаммед-Али был задержан непредвиденными обстоятельствами.

28 декабря войска генерал-лейтенанта Мадатова, перейдя Аракс по Асландузскому броду, быстро продвинулись по ущелью р. Кара-су и неожиданно появились среди зимовок-шахсевен⁵. Освободив карабахцев и ширванцев, уведенных в плен иранскими войсками, 1 января 1827 года

¹ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، (چاپ دوم)، جلد اول، از گلذاباد تا ترکمن جای، تهران، ۱۳۳۷، ص ۲۲۶

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 228.

⁵ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, л. 429, л. 19, 19 об.

Мадатов занял Мешкинский округ, а через неделю подошел к городу Агарь, расположенному в 70 километрах северо-восточнее Тавриза.

Неожиданный рейд многочисленного русского отряда в условиях суровой зимы вызвал невообразимую панику. Из Ардебилля бежал комендант крепости Искендер-хан¹; делегация из Агаря передала ген. Мадатову ключи от крепости. Особенно беспокойно было в Тавризе, где находилась резиденция наследного принца. По свидетельству задержанного в Тавризе титулярного советника Носкова², «...при приближении русских войск к Тавризу у проживающих в городе армян было отобрано оружие. Армянам было запрещено выходить из своих домов, даже пища подавалась армянам через стены, а улицы, ведущие к ним, были завалены»³. Далее, характеризуя отношение азербайджанского населения к Каджарам, Носков замечает: «Часть жителей во главе с муллой Мирза-Юсуфом хотела идти навстречу Мадатову, чтобы передать ему ключи от города»³.

Немало волнений пережил и сам наследный принц. «Несколько дней он не выходил из своего дворца, окруженный сильной стражей»⁴. В рапорте царю от 20 января А. П. Ермолов доносил, что «Аббас-мирза высылает по ночам свою казну и сокровища» и что принц собирается уничтожить все запасы продовольствия»⁵.

Беспокойно было и в Тегеране. Опасаясь вторжения войск Мадатова, шах «приказал вывезти на центральную городскую площадь всю артиллерию тегеранского гарнизона, в том числе и 28 пушек огромного калибра, закупленных Надир-шахом у голландцев. Население столицы было мобилизовано для очистки рва вокруг шахского дворца и починки городской стены»⁶.

Распущенные на зиму иранские войска невозможно было собрать, а отправленные Аббас-мирзой несколько батальонов против русского отряда отказались воевать, говоря, что их посылают на верную гибель, и угрожали бросить оружие при появлении храброго генерала⁷.

Когда русские войска остановились в 17 км от Агаря, Аббас-мирза созвал диван, на котором присутствовали английские офицеры. «На другой день британская миссия готовилась покинуть Тавриз и обратилась к Мадатову с просьбой сохранить дом английского посольства»⁸. Одновременно английские офицеры получили приказ Макдональда прекратить обучение иранской армии»⁹. Казалось, что Каджары капитулируют. Однако случилось неожиданное. Получив донесение о нападении иранской конницы на переселявшихся карабахских армян и азербайджанцев, вой-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, Канц., колл. 444, д. 3, л. 8 об.

² Носков находился в Тавризе до 1 февраля 1827 г.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 8 (Копия записки Носкова хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 412, л. 26—38).

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 8, 8 об.

⁵ «Записки А. П. Ермолова», ч. II, 1816—1827, М., 1868. Приложения, стр. 332.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 5 об.

⁷ Там же, л. 7 об.

⁸ Там же, л. 9.

⁹ Там же, л. 9а.

ска Мадатова вернулись на ардебильскую дорогу, разбили и отбросили иранскую конницу и вместе с тремя тысячами азербайджанских и армянских семейств 17 января переправились через Аракс¹.

Узнав об отходе русского отряда, англичане осуждали себя за проявленное малодушие, а Макдональд, чтобы загладить свою вину, часами беседовал с Аббас-мирзой².

Неожиданный отход ген. Мадатова был вызван не только необходимостью защиты и сопровождения освобожденных пленных. По справедливому замечанию иранского историка, Мадатов «мог взять Тавриз одним приступом, но не воспользовался благоприятной для него возможностью³. Не воспользовался потому, что по секретной инструкции он должен был действовать только в Муганской степи⁴. Кроме того, Мадатов не мог не учитывать обстановки, которая возникла в связи с обсуждением полученных из Петербурга двух проектов предстоящих военных действий. Паскевич отстаивал один из этих проектов, а Ермолов ни с одним из них не соглашался, так как оба они ближайшей задачей ставили взятие Тавриза, и предложил свой проект, по которому, присоединение Восточной Армении к России было главной целью кампании. Преданный Ермолову Мадатов ненавидел Паскевича и, как патриот своей родины, горячо одобрял проект по освобождению Восточной Армении. Этим отчасти можно объяснить, что Мадатов — один из самых храбрых генералов русской армии — не захотел войти в Агарь и Ардебиль, сдавшихся без боя, и отказался идти на Тавриз, охваченный паникой и оставленный без защиты.

Англичане говорили Каджарам, что «отход Мадатова был диверсион- ский», отвлекающей внимание Ирана от Ереванского ханства накануне вторжения 30-тысячной русской армии⁵. Под влиянием этих наставлений Аббас-мирза собирался переправить всех армян и азербайджанцев на правый берег Аракса⁶, а также сжечь весь хлеб и фураж в районе предстоящих боев. Этот варварский план, для осуществления которого были выделены подрывные группы, должен был превратить Восточную Армению в безлюдную, выжженную пустыню⁷.

С осени 1826 года все более усиливалось движение за мир. Предвидя неизбежное поражение и опасность окончательного разорения, многие зажиточные персы обращались к шаху с требованием «найти средства для достижения мира или хотя бы перемирия»⁸. Поражение предвидел и Аббас-мирза. К тому времени он уже не располагал необходимыми возможностями для продолжения войны, хотя и не терял надежды, что при под-

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 19 об.

² ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 9.

³ علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران... ص ۲۲۸

⁴ Шербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. 2, СПб, 1890, стр. 142.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 10.

⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 22 об.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 226, л. 1.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 201.

держке Англии сможет присоединить к Ирану потерянные территории в Закавказье и удержать в своих руках Восточную Армению. В этой связи все русско-иранские дипломатические переговоры в 1827 году были обречены на провал, так как предложения иранского правительства, как правило, не отражали тех новых условий, которые возникли в результате иранской агрессии.

* * *

Мирза-Мохаммед-Али, задержанный в Тавризе рейдом Мадатова, в начале февраля 1827 года отправился на переговоры в Тифлис, где был принят ген. Ермоловым, а затем начальником Главного штаба ген. Дибичем, который под предлогом ликвидации разногласий между Ермоловым и Паскевичем приехал в Грузию для устранения от дел Ермолова, которому не доверял Николай I.

Аббас-мирза отправил в Тифлис посла для заключения перемирия на возможно длительный срок, чтобы за это время лучше подготовиться к войне и чтобы лондонский двор успел договориться с Россией о посредничестве Англии¹. Об этом тайном англо-иранском плане Ермолову сообщил его агент, имени которого он не называет и которого он сам отправил к ереванскому сардару Хусейн-хану, рассказавшему агенту об условиях Макдональда добиться посредничества Англии. Ермолов сообщил графу Нессельроде, что для осуществления этого плана Макдональд отправил в Лондон Генри Виллока—бывшего поверенного в делах Англии при персидском дворе². Иранский посол выполнял ограниченную задачу: должен был заключить только перемирие, а также согласовать время и место для встречи Ермолова с иранским министром иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-ханом для заключения мирного договора. Иранский посол не имел полномочий для обсуждения тех предложений о мире, которые вначале Ермолов, а потом начальник Главного штаба Дибич настойчиво, хотя и безуспешно, пытались обсуждать с ним. Как видно, русское командование было серьезно озабочено содержанием двух писем, доставленных послом для Ермолова и Нессельроде. Аббас-мирза предлагал в случае срыва переговоров о перемирии отправить Мирза-Мохаммед-Али в Петербург, а если и в этом ему будет отказано, то Мирза-Аболь-Хасан-хан просил Ермолова позволить иранскому послу дожидаться в Тифлисе ответного письма графа Нессельроде. В предложениях наследного принца и иранского министра иностранных дел явно подчеркивалось их недоверие и пренебрежение Ермоловым, который был наместником царя на Кавказе, главнокомандующим войсками и фактически руководил дипломатическими отношениями России с Ираном и Турцией.

Шах и Аббас-мирза всеми способами стремились задержать в России иранского посла, чтобы выиграть время, необходимое Англии для вмешательства в русско-иранскую войну.

¹ «Записки А. П. Ермолова», ч. II, 1816—1827, М., 1868. Приложения, стр. 335.

² Там же, стр. 336.

На первом этапе переговоров, продолжавшихся до 19 февраля 1827 г., Ермолов решительно отклонил иранские предложения о перемирии и указал при этом, что переговоры о мире можно вести и в ходе войны¹. Таким образом, в то время когда иранский посол усердно предлагал заключить перемирие, а А. П. Ермолов от этого решительно отказывался, на фронте до начала апреля перемирие фактически было установлено.

Если бы у Каджаров было серьезное намерение заключить мир, то для переговоров они располагали пятью месяцами, не считая 17-дневного январского рейда генерала Мадатова. Однако все надежды на заключение выгодного мира и восстановление границ 1813 г. шах связывал с посредничеством Англии, при поддержке которой он начал войну и без которой избегал переговоров с Россией. С приездом на Кавказ генерала Дибича иранскому послу удалось продлить переговоры еще на 20 дней.

На втором этапе переговоров, начавшихся 20 февраля, Дибич, первый среди видных государственных деятелей России, на официальных переговорах с Ираном потребовал присоединения Восточной Армении к России, задолго до освобождения Ереванского и Нахичеванского ханств русскими войсками. Иранские источники указывают, что ген. Дибич потребовал еще, чтобы все земли, расположенные к северу от Аракса, были присоединены к России и чтобы Иран выплатил России 700 тыс. туманов контрибуции², однако иранский посол не имел полномочий обсуждать эти условия³.

8 марта 1827 г. Мирза-Мохаммед-Али отправился в обратный путь. После его возвращения в Иран Нессельроде написал иранскому министру иностранных дел, что «главнокомандующему на Кавказе даны необходимые инструкции для ведения переговоров»⁴. Это заявление Нессельроде оставляло за Ираном новые возможности для ведения переговоров.

В фондах Центрального государственного исторического архива в Ленинграде хранится подлинник предписания графа Нессельроде ген. Дибичу от 24 апреля 1827 года «Об условиях, на которых можно заключить мир». В этом документе, в частности, указывается, что император России настаивает на скорейшем прекращении войны, так как выгоды, которые получает Россия, не компенсируются расходами, связанными с продолжением войны⁵. По вопросу контрибуции Нессельроде указал Дибичу, что «в случае, если Россия будет продолжать войну из-за денег, то те суммы, которые Россия будет тратить на войну, будут больше предлагаемой контрибуции; а чем дальше, тем больше ослабнет Иран и еще меньше сможет расплатиться с Россией деньгами»⁶. Остальная часть предписания касалась англо-русских отношений: «Продолжение войны немедленно возбу-

¹ «Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК), т. VI, ч. II, № 711, 712, стр. 391—394.

² علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران... ص ۲۲۹

³ Там же, стр. 227.

⁴ Там же, стр. 230.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 158, л. 1.

⁶ Там же.

дит ревность державы (Англии — Б. Б.), соперничающей с Россией, и даст повод к сопротивлению более или менее прямому с их стороны»¹.

Одновременно Нессельроде указал Паскевичу: «Если теперь под каким-либо предлогом английская миссия в Персии начнет переписку с Вами о заключении трактата, то не допускать посредничества той миссии»². Аналогичное предписание было передано русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену.

Нежелание царизма продолжать против Ирана войну отчасти было вызвано и тяжелым состоянием финансов Российской империи. К 1825 году сумма выпущенных бумажных ассигнаций достигала 595 млн. руб., а ценность их упала до того, что за один серебряный рубль давали до 4 руб. ассигнациями. В предвидение новой войны с Турцией правительство Николая стремилось закончить войну с Ираном и укрепить резервы казны³.

Предписание Нессельроде о необходимости прекратить войну и стремиться к заключению мира было отправлено на Кавказ 24 апреля 1827 г., после того как возобновились военные действия.

* * *

В то время когда посол шаха Давид-хан находился в Константинополе, другой иранский посол выехал в Лондон. Шах спешил информировать Англию о положении на фронте и готовности Ирана заключить мир при посредничестве Англии, которая поддерживала видимость хороших отношений с Россией.

14 (26) декабря 1826 года Х. А. Ливен донес в Петербург о прибытии иранского представителя, который «привез просьбу шаха о посредничестве Англии в целях примирения его с Россией»⁴.

Вскоре после этого Каннинг пригласил к себе Ливена и, «не сделав формального предложения о посредничестве», попытался узнать мнение русского посла о том, «как могло бы быть встречено в России подобное предложение»⁵. Ливен ответил, что «английские предложения могли бы быть внимательно выслушаны, однако при обстоятельствах, существенно затрагивающих исключительные интересы России на ее восточных границах, император России не смог бы допустить вмешательства третьей державы, тем более что агрессивное поведение Персии требует примерного наказания»⁶.

После этой беседы Каннинг до конца 1826 года по этому вопросу к Ливену не обращался. Впоследствии выяснилось, что английский министр

¹ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 158, л. 2.

² АКАК, т. VII, № 503, стр. 540. Нессельроде—Паскевичу. 23 апреля 1827 г.

³ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., М., 1960, стр. 211.

⁴ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6958, л. 356. Деша Ливена из Лондона от 14 (26) декабря 1826 г., № 189.

⁵ Там же.

⁶ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6953, л. 350, 350 об.

решил обойти Ливена и с помощью английского посла в Петербурге пытался узнать личное мнение царя по этому вопросу.

В январе 1827 г. Каннинг и Ливен встретились снова. На этот раз англичанин действовал более решительно. Впоследствии выяснилось, что давление, которое оказывала на Каннинга Ост-Индская компания, становилось все сильнее. К тому же от английского посла в Петербурге он получил сообщение о том, что русские не отклоняют целиком идеи посредничества Англии¹. Однако, снова натолкнувшись на упорное нежелание Ливена договориться по этому вопросу, Каннинг отправил в Петербург английскому послу указание обратиться к правительству России с официальным предложением².

На этот раз в Петербурге отрицательно реагировали на предложение Англии о посредничестве, что, однако, не остановило Каннинга от дальнейших шагов. Спустя месяц он посылает Ливену письмо вместе с проектом новых английских предложений.

«Россия не обойдется с Персией слишком сурово, — писал Каннинг, — и если английское правительство так упорно настаивает на своем посредничестве, то это только потому, что ее вынуждают к этому обязательства по договору с Персией»³.

В чем же состояли обязательства Англии перед Ираном и в какой мере они касались России?

Согласно ст. 4 и 6 Тегеранского договора, Англия не должна была предоставить Ирану никакой помощи в случае, если «Персия сама совершит агрессию на какую-либо европейскую страну»⁴. Напомним еще, что в 1828 г., в момент заключения Туркманчайского договора, Англия объявила, что Иран был зачинщиком войны. Таким образом, по договору 1814 г. Англия освобождалась от каких-либо обязательств перед Ираном и не могла ссылаться на свои обязательства и по ст. 3 договора, по которой границы между Ираном и Россией должны были быть определены с согласия Англии, Ирана и России. Эта статья не имела никакой силы, так как Англия включила ее в договор без ведома России с тем, чтобы любое соглашение о границах между Ираном и Россией без санкции Англии оказалось бы невозможным.

Англия не могла заставить Россию признать условия тех соглашений, которые лондонский двор навязывал Ирану. Кроме того, Тегеранский договор 1814 г. был заключен через год после окончания русско-иранской войны 1804—1813 гг., когда правительство шаха с помощью Англии рассчитывало пересмотреть Гюлистанский договор с тем, чтобы вернуть Ирану часть потерянных на войне территорий. И, наконец, Каннинг не мог ссылаться на эту статью и в связи с этим добиваться посредничества Англии в ходе войны, начатой Ираном для захвата Закавказья, так как ссыл-

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, 1827 г., л. 3.

² Там же, л. 3 об.

³ Там же, л. 20.

⁴ М. А. Игамбердыев. Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961, стр. 284.

ка на эту статью подтвердила бы, что Англия спровоцировала Иран на войну.

Заметим, что Каннинг не предлагал, а грубо навязывал свое посредничество, причем делал это не в начале войны, когда иранская армия наступала, а после того, как армия шаха стала отступать. К тому же в переданном Ливену проекте Каннинга уговоры переплетались с угрозами. Например, британский министр выражал сомнение в том, что Россия успешно справится с войной «в том случае, если в Персии вспыхнет религиозная борьба»¹.

Таким образом, Каннинг пугал пресловутой «религиозной борьбой», которая вспыхнула перед войной не без участия Англии, финансирующей в Иране и Закавказье антирусскую пропаганду реакционного мусульманского духовенства, а в январе 1829 г. была использована Англией для убийства А. С. Грибоедова и разгрома русской миссии.

Беспокойство Каннинга отчетливо видно еще и в той части представленного им проекта, где речь идет об усилении России на Востоке: «Никакое государство в Европе, и особенно Великобритания, не могло бы без беспокойства смотреть на такое громадное приращение территории и рост могущества России в направлении, способном усложнить европейскую политику из-за ее политики в Азии, ставя их в непосредственный контакт»².

Это беспокойство британского кабинета продвижением России на Востоке было одной из главных причин вмешательства Англии в русско-иранские отношения. Попытки Каннинга навязать России посредничество Англии для прекращения войны с ссылкой на ее обязательства перед Ираном полностью разоблачали его. Предлагая посредничество, Англия проявляла заботу не об Иране, а прежде всего об английских интересах на Востоке, не имевших ничего общего с интересами иранского государства.

Чтобы подкрепить свою позицию, Каннинг к своему проекту приложил письмо министра иностранных дел Ирана Мирза-Аболь-Хасан-хана на имя президента бюро Ост-Индской компании. Ссылаясь на это письмо, Каннинг, искажая факты, обвинял Россию в провокациях, вызвавших нападение Ирана. «Агрессия со стороны Персии,— указывал он,— хотя и не спровоцированная каким-либо актом до того, как были использованы все средства договориться, не была, однако, полностью избавлена от всякого рода провокаций... Русский император не может не знать, что управление наместника в Грузии отличалось характером грубости и несправедливости... Известно также,— указывал Каннинг,— что персидские агенты задерживались по два месяца в Тифлисе и не имели возможности попасть к русскому правительству; что переговоры после того, как они были начаты, преднамеренно тормозились и задерживались русскими властями посредством перерывов и отсрочек в осуществлении связи между русским и персидским правительствами»³.

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, л. 20, 22 об.

² Там же, л. 22 об.

³ Там же, л. 23, 23 об.

Всячески выгораживая Иран, Каннинг далее писал, что «император России не оставит без внимания этих рассуждений с тем, чтобы принять предложения, которые Персия хотела бы сегодня сделать для прекращения военных действий путем заключения мира, основанного на базе Гюлистанского договора»¹.

Таким образом, английское правительство пыталось ликвидировать успехи русской армии и вернуть воюющие стороны к границам Гюлистанского договора, чтобы начавший войну Иран ничего не потерял, несмотря на поражение.

В заключение Каннинг указал, что он уполномочен своим королем предложить посредничество Англии и предполагает использовать для этого миссию генерал-губернатора Индии, которая в то время находилась в Тегеране. Каннинг просил Ливена без промедления передать этот проект русскому двору².

В личном письме к Ливену Каннинг просил ознакомиться с проектом и поделиться своими замечаниями. Это привело их к новой встрече. «Мотивы, которые заставили меня отклонить Ваши первые формальные предложения,— заявил на беседе Ливен,— не прекратили своего существования. Первый мотив, по которому я считаю своим долгом отклонить английское предложение о посредничестве, базируется на общем направлении русской внешней политики. Россия,— продолжал Ливен,— не может допустить вмешательства европейской державы в ее отношения с азиатскими государствами. Это общий принцип русской внешней политики, и если император Александр не всегда ему следовал, то только в тех случаях, когда отношения с азиатскими государствами касались всей Европы»³.

После этого Ливен заметил Каннингу, что Персия первая начала военные действия без всяких к тому оснований⁴ и что Англия не вправе ожидать, чтобы Россия в этом признала случай, предусмотренный англо-иранским договором. «Впрочем,— продолжал русский посол,— эта самая статья послужила первой причиной войны, ибо она поощряла тегеранский двор вступить в войну, из которой он надеялся вскоре выйти без всякого ущерба»⁵.

Это обвинение английского министра в подстрекательстве Ирана к войне против России было первым смелым и открытым заявлением об ответственности Англии за развязанную Ираном войну.

После этого Ливен столь же прямо говорил Каннингу о тех причинах, из-за которых Россия не могла рассчитывать на посредничество Англии в ее пользу. «Всякое посредничество Англии в русско-персидских отношениях,— заявил Ливен,— грозит испортить эти отношения, во всяком случае надолго. Если хоть раз мы признаем право подобного вмешательства,

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, л. 24.

² Там же, л. 24 об.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 7.

⁵ Там же.

то никакой веры, никакой прочности не будет больше в наших отношениях с Персией»¹.

Каннинг внимательно выслушал замечания Ливена, не оставившие камня на камне от английского проекта и, не пытаясь отвечать на его замечания, высказал свое недовольство стоявшей перед ним обязанностью обратиться к России с формальным предложением по этому вопросу². «Агенты Ост-Индской компании, — продолжал Каннинг, — осаждают нас своими настойчивыми просьбами, и только благодаря их ходатайству он должен был сделать русскому правительству это заявление о посредничестве»³.

Чтобы предотвратить появление новых английских предложений о посредничестве, 14 (26) февраля 1827 г. русский посол в Лондоне вручил государственному секретарю Великобритании верительную ноту, в которой официально подтверждалась точка зрения России по этому вопросу.

«Доверяя свои интересы заботам какого-нибудь иностранного правительства, — указывалось в ноте, — Россия подвергается опасности видеть свои интересы ущемленными или свои намерения — непонятыми. Кроме того, следует опасаться, чтобы азиатские государства не восприняли посредничество третьей державы как признак слабости России и не составили себе ложного понятия о характере всякого посредничества и не увидели бы в нем не столько предложение услуг какого-либо европейского государства, сколько принудительное вмешательство в их пользу, которым они не преминули бы похвалиться»⁴.

Следующая часть ноты обвиняла Англию в подстрекательстве Ирана к войне. «Является совершенно очевидным, — указывал Х. А. Ливен, — что при каждом благоприятном случае Персия поспешит напасть на Империю, уверенная в том, что ее казна будет пополняться английскими субсидиями и что в случае неминуемой опасности она укроется за Англией»⁵.

Воздействие этой части ноты на лондонский двор не вызывает сомнения. Во всяком случае английское правительство было вынуждено отменить 3 и 4 статьи Тегеранского договора 1814 года. Чтобы заставить Иран отказаться от этих статей, которые, по выражению иранского профессора Махмуд Махмуда, «были источником беспокойств и головной боли министров британского правительства»⁶, Англии пришлось заплатить шаху 800 тысяч рублей⁷.

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, л. 7.

² Там же, л. 10.

³ Там же, л. 10 об.

⁴ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6964, 1827 г., л. 140 (нота приложена к депеше Ливена из Лондона от 8 (20) мая 1827 г.).

⁵ Там же, л. 142.

⁶ محمود محمود. تاریخ روابط سیاسی ایران و آنگلیس در قرن نوزدهم میلادی، تهران، ۱۳۳۶، ص ۲۰۲.

⁷ Текст англо-иранского соглашения об аннулировании этих статей приведен Махмуд Махмудом в приложении к первому тому «Истории политических связей Ирана и Англии в XIX веке».

Не менее важное значение имеет приведенное в этой ноте Ливена опровержение обвинений России иранским министерством иностранных дел. «Если верить Персии,— указывалось в ноте,— то может показаться, что Россия только и хотела посредством провокаций, которые ей приписывают, вызвать войну, которую она могла бы использовать в своих интересах; но при этом предположении русское правительство было бы в состоянии по крайней мере отразить первую атаку, тогда как, напротив, общезвестно, что оно не ожидало никакого внезапного нападения. И если это внезапное нападение не повлекло за собой более важных последствий, то Императорское правительство этому обязано менее своим средствам защиты, чем храбрости своих солдат и умению своих генералов».

Далее в ноте указывалось, что предложение Англии о посредничестве, «предпринятое для защиты интересов Персии, несправедливо напавшей на Россию, может произвести в России самое тягостное впечатление»¹. Англо-русские переговоры в Лондоне на несколько месяцев парализовали активность английской дипломатии в иранском вопросе.

Преемник Каннинга, умершего 8 августа 1827 г., бывший статс-секретарь колоний Виконт Годерич по отношению к России проводил традиционную «политику надувательства». Памятную записку графа Нессельроде о неизменности позиции России, отклонившей до этого предложения Англии о посредничестве в иранском вопросе, Годерич принял у Ливена с показным «живейшим удовольствием»². Вскоре, однако, выяснилось, насколько это «удовольствие» было искренним.

Уже в первой половине сентября 1827 г. в Лондоне стало известно, что после Аштаракской битвы (17—20 августа) армия Аббас-мирзы отошла к Эривани, а с подходом туда русских войск вовсе отступила за Аракс. В этих крайне неблагоприятных для Ирана условиях лондонский двор возвращается к плану английского посредничества, несмотря на то, что после заверений Годерича об отказе Англии от посредничества не прошло и одного месяца.

В сентябре 1827 г. британский министр иностранных дел заявил русскому послу в Лондоне, что английское правительство посылает в Иран Виллока и очень хотело бы, чтобы он отправился туда через Петербург...³.

Намеченный для Виллока удлиненный маршрут имел целью склонить петербургский двор к заключению выгодного для Ирана мира. По этому поводу Ливен писал в Петербург, что Виллок поедет в Петербург «...на случай, если наш двор пожелал бы использовать таланты и влияние этого агента для улаживания наших разногласий с Персией»⁴. В последующих донесениях Ливена миссия Виллока упоминается только в конце сентября 1827 г. На этот раз русский посол указывал, что маршрут поездки английского посла изменен и что Виллок отправится в Иран не че-

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6964, л. 144 об.

² Там же, л. 457.

³ Там же, л. 458.

⁴ Там же, д. 6968, л. 127.

рез Петербург, как предполагалось прежде, а через Одессу и Грузию. Это решение было результатом не только более зрелых размышлений о сущности ответа на предложение о посредничестве, с которым обратился к царю лондонский кабинет¹. На наш взгляд, после падения Сардарабада, Эриванской крепости и отступления армии Аббас-мирзы за Аракс английское правительство опасалось, что продолжительная по времени поездка Виллока через Петербург могла кончиться тем, что он задержится в пути и останется в стороне от событий, так как наступательные операции русских войск развертывались в быстром темпе. В этих условиях в Лондоне могли считать, что Виллок скорее всего нужен в Иране, где он непосредственно успеет вмешаться в конфликт, чтобы воздействовать на ход событий, чем в Петербурге, где его могли задержать, или оттянуть переговоры до окончания войны.

Между тем поездка Виллока в Иран откладывалась изо дня в день. Окончательно дата его отъезда была назначена на 9 октября. При этом маршрут поездки посла снова был изменен. Эти колебания говорили о том, что в Лондоне так и не дождались даже временной стабильности положения на русско-иранском фронте, так как после падения Эривани и Тавриза война фактически кончилась, а Англия была поставлена перед совершившимся фактом, прежде чем ее посол успел приехать в Иран.

7 октября Ливен получил письмо от британского министерства иностранных дел, в котором отмечалось, что Виллок все же предполагает ехать в Петербург, где он обратится с демаршем только в том случае, если британский кабинет снабдит его информацией и полномочиями для участия в установлении мира. «Мы не хотим, — указывалось далее в письме, — чтобы это приняло характер официального заявления...» или «попытки возобновить предложение о посредничестве, которое уже было отклонено»². Таким образом, английское правительство настойчиво добивалось посредничества на переговорах и в то же время вопреки фактам заверяло, что не возобновляет свои предложения о посредничестве, которые уже были отклонены Россией. Во всей этой истории с посредничеством (официальным и неофициальным) Англия стремилась соблюсти свои собственные интересы в Иране. Этому благоприятствовали настойчивые просьбы шаха о вмешательстве Англии с тем, чтобы с Россией был подписан выгодный мир. Кроме того, соблюдались интересы и Ост-Индской компании. Ливен доносил из Лондона, что «на одном собрании акционеров Ост-Индской компании английский полковник Стенхок внес предложение призвать английское правительство принять меры для того, чтобы остановить успехи русских в Персии»³. Призыв Стенхока: «Остановить успехи русских в Персии» стал главным лозунгом британской внешней политики. Однако разбитая иранская армия капитулировала, и изменить положение было невозможно.

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6968, л. 127.

² Там же, д. 6963, л. 150, 150 об.

³ Там же, д. 6964, л. 138 об.

* *

Таким образом, в годы второй русско-иранской войны деятельность английской и иранской дипломатии была строго согласована. Когда в первые месяцы этой войны реорганизованная английскими офицерами иранская армия оккупировала часть Закавказья, официальный Лондон и Ост-Индская компания, реагируя на любое, сколько-нибудь заметное политическое событие на Востоке, на этот раз хранили молчание, так как в период временных успехов иранской армии дипломатическое наступление России против Порты было приостановлено, турецкая делегация саботировала переговоры в Аккермане, царизм затормозил свою активность на Балканах, в Средней Азии и, избегая второго фронта, отложил войну против Турции. С помощью русско-иранской войны Англия прежде всего стремилась выиграть время, необходимое султану Махмуду II для проведения начатых реформ и реорганизации турецких вооруженных сил. Поэтому, соблюдая видимость невмешательства в русско-иранскую войну, Англия поощряла иранских реваншистов. Так продолжалось до первых чисел сентября 1826 г., когда контрнаступление русского корпуса ликвидировало заговор молчания, организованный Каннингом. После этой битвы английское правительство все более настойчиво, хотя и безуспешно, стремилось навязать России свое посредничество с целью не допустить продвижения русских в глубь Ирана и восстановить границы Гюлистанского договора. Для обеспечения этого правительство шаха, по указке английского посла Макдональда, отправило в Россию две дипломатические миссии с целью заключения продолжительного перемирия. Каджары были уверены, что благодаря дипломатической поддержке Англии они ничем не рискуют и ничего не потеряют в случае поражения своей армии, однако русская дипломатия и войска Кавказского корпуса рассеяли эти иллюзии и провалили англо-иранский план экспансии в Закавказье.

Поддерживая завоевательные планы шахского Ирана в отношении Закавказья, на которое Каджары никогда не имели права и которое лишь временно было захвачено иранскими войсками во время их завоевательных походов, Англия сохраняла для народов Закавказья опасность ассимиляции, порабощения, консервации отсталых форм общественной жизни, хозяйственного упадка и утраты культурной самобытности.

Несмотря на эксплуататорскую сущность общественного строя тогдашней России и завоевательную политику царизма на Кавказе, экономическое, политическое и культурное сближение народов в рамках единого централизованного Российского государства имело объективно прогрессивные последствия.